

А. И. КУЗНЕЦОВА

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА БИЛИНГВИЗМА В КОМИ АССР И ЗАВИСИМОСТЬ ЕЕ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

1. Теоретически о билингвизме написаны горы статей, монографий, обзоров¹, однако каждый раз, как сталкиваешься с ним на практике, оказывается почти невозможным определить, где кончается монолингвизм, а где начинается билингвизм, как развиваются навыки двуязычия, какой перед нами тип билингвизма, каковы критерии хорошего, среднего или слабого владения вторичным языком, а иногда даже — какой язык считать первичным, какой — вторичным в том или ином районе контактирования языков. Далеко не всегда действуют и предлагаемые процедуры для количественной оценки билингвизма (например, использование лексико-статистического словарного списка у Дибольда²).

Любой район двуязычия дает в руки исследователя богатейший, нередко очень противоречивый материал самого разнообразного характера — и социологического, и психологического, и лингвистического.

Настоящая статья представляет собой описание языковой ситуации в двух районах Коми АССР (ср. аналогичную работу, проводимую Сибирским отделением АН СССР³), причем есть прямая зависимость между количественной оценкой билингвизма в обследованных деревнях, с одной стороны, и отдельными социологическими факторами и общим характером районов, где эти деревни находятся, — с другой.

2. Один район обследования (деревня Колва, как и весь Усть-Усинский с/с) заселен коми, носителями ижемского диалекта коми-зырянского языка, с небольшой этнической прослойкой из

¹ См., например, библиографический указатель Хаугена. E. Haugen. Bilingualism in the Americas. A bibliography and research guide. University of Alabama, 1956.

² А. К. Diebold. Incipient bilingualism. «Language», 1961, vol. 37, No. 1.

³ См. В. А. Аврорин. Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири. «Вопросы языкознания», 1970, № 1, стр. 33—43.

ненцев, выходцев в прошлом из тундры⁴. По соседству с Колвой (километрах в четырех от нее) в начале 60-х годов начались нефтеразработки; на буровых занят значительный процент русских из разных районов страны, что обеспечило в последнее время усиление контакта коми языка с русским.

Другой обследованный с точки зрения контактирования языков район (деревня Лёждуг⁵) — прямая противоположность первому. Это своеобразный островок коми языка (жители — носители того же ижемского диалекта) среди русского населения Усть-Цилемского района, начавшего заселяться русскими еще во времена Ивана Грозного.

Естественно, что исторические и социологические факторы (возраст, в первую очередь) оказываются весьма существенными для характеристики билингвизма в этих районах.

В обеих деревнях велось анкетирование⁶ с помощью вопросников, которые были составлены на основе анкет, предлагаемых У. Вейнрайхом, В. Самариним⁷ и некоторыми другими лингвистами. Анкетированием было охвачено 260 жителей Колвы и 197 — Лёждуга.

Этнический состав Колвы (за вычетом 128 детей) следующий: коми — 104, ненцев — 6, русских — 4, жителей смешанного происхождения коми-русского — 7 и коми-ненецкого — 11. Все 11 человек, рожденных от браков коми и ненцев, причислили себя к коми по этническому самосознанию и назвали своим родным языком коми⁸. Наоборот, 7 человек от браков коми и русских

⁴ По административному делению 1968 г. деревня Колва входит в Усть-Усинский сельсовет Печорского района.

В начале XX века часть ненцев переселилась из Колвы за «камень» (за Урал), осев там в селах Ямало-Ненецкого округа — Мужы, Шурышкары и др.

⁵ Деревня Лёждуг входит в Ермицкий сельсовет Усть-Цилемского района Коми АССР. Помимо Лёждуга в этом районе есть еще одно коми село — Окунево.

⁶ Анкетирование проводилось всеми участниками летней экспедиции 1968 г. (В. Великов, В. Демьянков, Т. Кобзарева, Л. Кулешова, Н. Лауфер, В. Терентьев и Е. Хелимский) под руководством автора статьи. Благодаря добросовестности студентов стала возможна и дальнейшая обработка и интерпретация собранного материала.

⁷ U. Weinreich. Languages in Contact. N. Y., 1955, ch. III; W. I. Samarin. Field Linguistics. A Guide to Linguistic Field Work. N. Y., 1967, ch. V, p. 103.

⁸ Ни один человек не признал в качестве родного языка ненецкий язык. Более того, хотя старики и пели песни на ненецком языке, перевести их на коми или русский они не могли (знали лишь общий смысл), т. е. практически ненецкий язык забыт ими совершенно. Об их ненецком происхождении говорят только фамилии: Хатанзейские, Ванюта, Тось. Зауральские ненцы, переселенцы из Колвы (см. прим. 4), также считают своим родным языком коми язык (см. Т. И. Жилина, Н. А. Колегова. Некоторые особенности говора обских коми (с. с. Мужы и Шурышкары). «Историко-филологический сборник». Коми филиал АН СССР, вып. 6. Сыктывкар, 1960, стр. 152—170).

склонны считать родным языком русский, а самих себя — русскими⁹.

В Лёждуге заанкетировано 197 человек. За вычетом 117 детей русских здесь — 13 человек (если учесть и школьников — 22), коми — 57, коми-русского происхождения — 8 человек (все считают себя русскими), коми-ненецкого — 1 (ненецкого не знает) и татар — 1 (по-татарски говорил в детстве; живет в Коми АССР 24 года, а в Лёждуге — с 1957 г., татарским практически не пользуется¹⁰).

В языковом отношении обе деревни (особенно Лёждуг) дают яркую картину массового билингвизма.

В дальнейшем билингвизм будет рассматриваться только для коми и помесей коми и русских, родившихся в Коми АССР, но не для русских, так как, во-первых, русские составляют очень малый процент населения и в той, и в другой деревнях (в Колве менее 2%, а в Лёждуге — около 10%) и, во-вторых, степень владения коми языком у них, как правило, очень низкая, потому что они обычно не хотят учить коми язык, не испытывая в этом особой нужды. Иными словами, языковое давление¹¹ в обследуемых районах неизмеримо больше со стороны русского языка, чем со стороны коми.

3. Билингвы, которые с детства владеют двумя языками как «домашними» или позднее начинают устойчиво владеть языком, отличным от родного, практически говорят почти без акцента на обоих языках (обычно их называют координативными билингвами). Билингв, чаще использующий один родной («домашний») язык и лишь владеющий отдельными элементами второго, как правило, говорит с заметным акцентом на вторичном языке (такой билингв называется субординативным). Казалось бы, при

⁹ Аналогичное явление отмечено и для мордвы. См.: В. И. Козлов. К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР (опыт исследования на примере мордвы). «Советская этнография», 1961, № 4; он же. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития. «Вопросы истории», 1968, № 9, стр. 108. Билингвы часто склонны отождествлять себя с представителями нации, к которой они не принадлежат по происхождению, только на том основании, что язык данной этнической группы они знают лучше, чем своей собственной (см., например, W. E. Lambert. A Social Psychology of Bilingualism. «Journal of Social Issues», 1967, vol. XXIII, No. 2, pp. 91—109). На этой почве нередко возникают социальные конфликты (см. I. L. Child. Italian or American? The second generation in conflict. New Haven, 1943; W. E. Lambert. Op. cit., pp. 107—108).

¹⁰ Языковая и национальная интеграция характерна, судя по статье Васоли, для всех коми-зырян, живущих на полуострове Канин Нос (E. Vászolyi. Syrjänen auf der Halbinsel Kanin (Bericht über eine unbekannte syrjänische Volksguppe und ihre Mundart). «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae», T. 17, f. 3—4, 1967, pp. 321—343).

¹¹ О языковом давлении, которое может быть измерено числом и престижем людей, изучающих «чужой» язык, см. у Хаугена (E. Haugen. Problems of bilingualism. «Lingua», 1950, vol. II, No. 3, pp. 271—290). Необходимо учитывать при этом, что престижем может обладать в различные исторические периоды то одна, то другая этническая группа (см. статью Сойера в «Word», 1959, vol. 15, No. 2, pp. 270—281).

очень хорошем владении вторичным языком билингв должен изъясняться на этом языке, не прибегая к помощи первичного, а в случае среднего или плохого владения вторичным языком, напротив, часто использовать формы родного языка. Между тем и в том, и в другом случае в обоих районах (особенно в Лёждуге) поражает большая неустойчивость, легкая переключаемость с одного языка на другой; билингвизм является плохо контролируемым. Более того, чем лучше коми владеют русским языком, тем легче они переключаются с одного языка на другой. Сами жители признаются, что они не различают, на каком языке говорят («Ведь иной раз по-коми начнём, а по-русски кончим»). Сплошь и рядом можно слышать фразы, в которых одновременно используются два разных языка: *Трава стоит зэв лёк* («очень плохая»). Л., Канева К. А.¹²

Бордтём тица («бескрылая птица»). Л., Канева А. А. По-коми «птица» — *лэбач*.

После работы дак в внеурочное время дашкё муна (диал. *дашкё*¹³ вместо лит. *гашкё* — «может быть, наверно»; *муна* — «иду, пойду»). Л., Н. и.

Мы живём в Лёждуге дас куим во («13 лет»). Л., Чупрова А. В. Чаще числительные говорятся по-русски, особенно в магазине:

Пятьдесят семь копеек сет мем («дай мне»). К., Н. и. Ср. также:

Галя мунас восьмёй («Галя пойдёт в восьмой (класс)» (вместо *кёкъямысёд*). Л., Носова Н. К.

Анна, вай дзоля («неси маленькую») *ложку*. Л., Носова Н. К.

Мала ещё она, оз лэбё («не летает»). Л., Семёнова Д. И.

Зэв ыджыд («очень большой» — о стоге сена), *завтра поедем посмотрим*. От неё же.

Печеньице-то сёй («ешь»). Л., Рочева М. Е.

Утром ещё снег муно («идёт»). От неё же.

... бара гижин («опять писала»), *бара писала*. Л., Канева К. А.

Сы бөрвывти кыкёс и пошло дело! Л., Сметанин Станислав (*сы бөрвывти кыкёс* — «после двух»: имеется в виду — бутылка водки. Когда существительное опускается, его роль начинает выполняться числительным, которое приобретает падежную форму этого существительного).

Ср. аналогичные примеры в Колве:

Давай, лэптысь («поднимайся») и *счас сразу наперёд чушь*.

К., Н. и., строитель.

¹² Здесь и дальше: Л.—Лёждуг, К.—Колва, Н. и.—неизвестный информант, т. е. запись сделана в магазине, на улице, на сенокосе, когда порою бывает затруднительно определить, кто произнес данную фразу. Примеры одновременного использования двух различных языков в одной фразе приводит в большом количестве Бенсон (Benson) в статье «American—Russian Speech». «American Speech», 1960, October, vol. XXXV, No. 3, pp. 163—174.

¹³ См. «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.

Я старая, менё юась («меня спрашивай»). К., Н. и.

Крепче бергөд («крути»). К., Хатанзейский М.

Ме ог понимаю («я не понимаю»). К., Едова З.

Менам (форма род. п. ед. ч. от *ме*, которая выступает в роли притяжательного местоимения «мой») *друг собака*. К., Зотова С. П.

Ме кылі гөлөс поезда («я услышал»). К., Рокка С. В.

Во всех этих примерах мы видим механическое сплетение русских и коми слов или частей фраз с сохранением грамматики каждого языка. Иногда же при использовании русской лексики сохраняется грамматика коми языка. *Снимитім кольчөс и узнайтім, што чиракыс зимуйтөма Францияын*. Колва, Н. и.

Ме заболейті («я заболел»). По-коми «болеть» — *висьны*. Л., Чупрова А. В.

Видзөда окноö («я смотрю в окно». По-коми «окно» — *öшинь*). Л., от неё же.

Лесö ме ветлі («я пришёл в лес». По-коми «лес» — *вөр, яг, бадь*). Л., от неё же.

Сыын местын встретитім («в этом месте встретились». По-коми «встретиться» — *паныдасьны*). Л., Канева Л. Ф.

...рыбаклөн пи («сын рыбака». По-коми «рыбак» — *черикыйысь*). Л., Сметанина П. И.

Были записаны также фразы, которые состоят из слов, имеющих исключительно русские корни, а окончания — частично русские, частично — коми:

Лугьяс сей год голöйяс («луга в этом году голые»). Л., Канева К. А. *Давай эти булкияс*. К., Н. и.

Наконец, встречаются смешения типа *Собакөн ездит, на быкөн, на санях*. К., Ванюта Дм.

О том, что жители Лёждуга часто не отдают сами себе отчёта, на каком языке идет разговор, свидетельствует записанный диалог участника экспедиции и А. В. Чупровой:

Студент: Что значит «Ме прөсекті муна»?

Чупрова: Ме куст вылын муна.

Студент: А по-русски вы можете это сказать?

Чупрова: Ме висьтала же («я говорю же»): прөсекті муны — куст вылын.

Студент: А по-русски что это значит?

Чупрова: Ме куст вылын муна («я в кустах иду», букв.).

Анализ связных текстов на коми языке (например, магнитофонная запись выступлений на колхозном собрании в Колве, записанные в Лёждуге рассказы о прошлом Трифёны Петровны Каневой, 54 года, и Фёдора Васильевича Канева, 58 лет, и др.) дает высокий процент содержания в коми языке русских слов и целых словосочетаний, среди которых одни употребляются с рус-

скими окончаниями (*по списку, на год, распорядок дня, четырнадцатый год, ранение, само собой, только что, всё равно* и под.), другие оформляются по законам коми грамматики (*детисö, хозяйныс, честной добросовестной работа* — вместо *удж* и т. д.). На 450 слов колвинской записи приходится более 150 русских слов, т. е. 30%; в рассказах Т. П. Каневой и Ф. В. Канева встречается соответственно 20 и 25% русских слов.

4. Для характеристики билингвизма существенной чертой можно считать способ употребления языка, заключающийся в умении геср. неумении читать и писать на вторичном языке.

В Колве говорят, читают и пишут по-русски 38% (со шкалой от 10 до 100% по разным возрастным группам), а в Лёждуге — 70% населения¹⁴ (со шкалой от 43,8 до 100%). Среди школьников II ступени, живущих в течение учебного года в интернате в соседних селах, где обучение ведется на русском языке, встречается 5% в Колве и 9,7% в Лёждуге учеников, пишущих своим родным письма и по-коми, и по-русски (95% в Колве и 90,3% в Лёждуге пользуются исключительно русским письмом). Среди молодого поколения (условно 18—30-летний возраст) и среднего поколения (от 30 до 50 лет) письма родственникам пишутся только на русском языке, хотя 2,7% представителей среднего поколения и 5% среди 18—30-летних могут писать а по-коми. Лишь старшему поколению в единичных случаях взрослые дети пишут по-коми, посылая другим письма на русском языке (два случая в Колве). Человек, хорошо говорящий по-русски (грамматически правильно и с малыми отклонениями от фонетической нормы), пишет часто грамматически неправильно.

5. Помимо способа употребления вторичного языка не менее существенным для количественной и качественной оценки билингвизма является время изучения вторичного языка (шло ли его изучение в детстве параллельно с родным языком или он изучался позже, уже при знании первичного языка¹⁵).

У 8% в Колве и 22% в Лёждуге, по свидетельству самих билингвов-взрослых, изучение неродного языка происходило более или менее одновременно, с незначительным опережением в изучении коми.

Судя по группе детей-дошкольников, более внимательно наблюдаемых с точки зрения зарождения у них билингвизма в Лёждуге, видимо, на первых стадиях обучения языку ребенок про-

¹⁴ Из них 1,5% могут писать не только по-русски, но и по-коми.

¹⁵ М. Свадеш, например, указывает, что чем взрослее человек, сталкивающийся с новым языком, тем менее вероятно (хотя и не исключено абсолютно), что он сможет полностью овладеть этим языком (M. Swadesh. Observations of pattern impact on the phonetics of bilinguals. «Language, culture and personality (Essays in memory of E. Sapir)», 1941). Того же мнения придерживается Л. Блумфилд (см. «Язык». М., 1968, гл. 3).

являет большое безразличие к тому, на каком языке идет разговор¹⁶, о чем может свидетельствовать следующий, записанный на магнитофон, диалог матери с пятилетней дочкой Женей¹⁷:

М а т ь: К папе поедешь?

Д о ч ь: Ме муна айкодорё.

М а т ь: А с кем будешь играть?

Д о ч ь: Тонякёд.

М а т ь: А Тони на Печоре не будет!

Д о ч ь: А ме кора сійёс («а я приглашу её»).

М а т ь: Тоню мама не отпустит.

Д о ч ь: Лэдзас!¹⁸ («отпустит!»).

Ср. разговор другой матери с пятилетним сыном Славой:

М а т ь: Слава, сапоги одень!

С ы н: Ог мёд! («не хочу»).

Из разговора Д. И. Семёновой с дочерью четырех лет:

М а т ь: Вот наш папа сделает тебе сейчас велосипедик.

Д о ч ь: Кыккёлеснй? («двухколесный», вместо кыккёгыля).

Диалог их же:

М а т ь: Мы там косили, а он шел.

Д о ч ь: А кодь воисны? («а как доехали?»)

М а т ь: Самоходка воисны.

Эти разговоры показывают, что ребенок 4—5 лет в семье, где родители — билингвы и где домашним языком уже стал и русский, наряду с коми, находится в стадии рецептивного билингвизма, от которого уже к 6 годам переходит к продуктивному, т. е. у него одно лишь понимание иностранной речи сменяется и произведением фраз на другом языке. В более раннем возрасте (3—4 года) большинство детей в Лёждуге вообще не понимает по-русски; к 4—5 годам понимают, но не говорят (за исключением отдельных слов) уже более 50%, перед школой около 30% переходит к стадии продуктивного билингвизма. В 1—2-х классах речь уже идет для всех детей лишь о хорошем — среднем — слабом владении русской речью, но нет детей, совсем не говорящих по-русски.

Сравнение билингвизма у детей в возрасте от 3 до 10 лет¹⁹ в Колве и Лёждуге дает следующую картину:

¹⁶ О сравнительно позднем разделении двух языковых систем у ребенка-билингва свидетельствует статья Р. Берлинга (R. Burling. Language development of a Samo and English speaking Child. «Word», 1959, vol. 15, No. 1, pp. 45—68.

¹⁷ Любопытно, что Женя в разговоре с младшей сестрой Мариной (3,5 года), явно подражая матери, говорит по-русски, а та ей отвечает по-коми.

¹⁸ Подобное безразличие к языку, на котором говорят, сохраняется и у взрослых в Лёждуге, как, например, в разговоре покупателя с продавцом: *Вай вина!* («принеси вина!»). — *Иди, иди!* — *Вай, виччё вокй* («принеси, ждет братец»). — *Ну и что, без всяких!* — Та же продавщица говорит и по-коми с покупателями, обращающимися к ней, наоборот, по-русски.

¹⁹ Дети до 3 лет не учитывались.

Таблица 1

Возраст	Дошкольники			Школьники I ступени	
	не говорят		говорят плохо	говорят плохо	говорят хорошо
	не понимают	понимают			
район					
Колва	75,5%	22%	2,5%	91%	9%
Лёждуг	20%	52,5%	27,5%	24%	76%

6. Не менее характерна для билингвизма большая опытность во владении вторичным языком. Под «большой опытностью» во владении вторичным языком понимается, насколько чаще и больше говорит билингв на вторичном языке, чем на первичном, что зависит от его работы, занимаемой в совхозе должности (продавец, секретарь правления, бригадир, фельдшер и т. д.). Большая опытность во владении русским языком характеризует 44% жителей Лёждуга при 15% в Колве.

На 73% билингвов в Колве приходится 27% монолингвов²⁰, причем из них 16,3% и не понимают, и не говорят на другом языке, а 10,7%, среди которых дети составляют 4,6%, понимают, но не говорят (у детей, как уже говорилось, рецептивный билингвизм со временем, как правило, переходит в продуктивный). В Лёждуге сходная картина: на 80% билингвов — 20% монолингвов, из которых 15% падает на детей. В отличие от Колвы здесь среди монолингвов и не говорят на русском языке и не понимают его только 7% человек. Если у детей рецептивный билингвизм при теперешней языковой ситуации в Колве и особенно в Лёждуге обязательно переходит в продуктивный, то для старшего поколения это не так. Видимо, старики-монолингвы так и останутся одноязычными (от общего числа обследуемого населения в Колве они составляют 6,6%, а в Лёждуге — 1,5%).

Количество хорошо владеющих вторым языком людей имеет своеобразное распределение по возрастам: среди старшего поколения (свыше 50 лет) и дошкольников оно минимально, а для среднего поколения (от 30 до 50 лет), молодого (от 18 до 30) и подростков (школьники I—II ступеней) оно достигает больших размеров как в Колве, так и в Лёждуге. Эти колебания могут быть отражены в следующей сводной таблице, последнюю графу

²⁰ Интересные данные о количестве монолингвов в ряде двуязычных областей земного шара можно почерпнуть из книги «Численность и расселение народов мира». М., 1962 (см., например, стр. 130, 134 и др. о количестве монолингвов среди нацменьшинств Великобритании — уэльсцев (валлийцев) и гэлов).

которой («Школьники II ступени») фактически следует слить с графой «Молодое поколение» (18—30 лет). Разница здесь лишь в количестве людей, умеющих читать²¹ и писать по-коми в дополнение к умению читать и писать по-русски.

В целом процент билингвов выше в Лёждуге, чем в Колве, так как Лёждуг представляет собой языковую диаспору²² среди русских, издавна населявших этот район, в то время как в Колве нет русского окружения, и лишь недавно появилось большое число русских по соседству.

7. Обычно считается, что первичный и вторичный языки при билингвизме различаются по своим функциям²³. Однако специализации функции²⁴ коми и русского языков, при которой на одном языке говорили бы об одном, на другом — о другом предмете, в обследуемых деревнях не наблюдается. Более того, старшеклассники из Колвы, которым преподают все школьные предметы на русском языке, говорят, что вне уроков они просят учительницу повторить то же самое им и на коми языке; друг с другом о школьных предметах (физике, химии, литературе и т. п.) они тоже говорят на коми языке. В Лёждуге для большинства билингвов этого не наблюдается. Там языковая ситуация хорошо соответствует случаю, описанному у Завадовского и помещенному им в колонке 2. П. б. в. его таблицы²⁵, когда много (73% в Колве и 80% в Лёждуге) людей добровольно (в Колве частично — по необходимости) при сохранении коми языка в качестве домашнего и разговорного в быту часто говорят по-русски. Впрочем, следует подчеркнуть всю условность этой таблицы.

Во-первых, нет строго формального критерия для проведения грани между много и все, поскольку в любом двуязычном коллективе должны быть члены, не говорящие на другом языке (хотя бы дети, у которых билингвизм только зарождается), но для взрослого населения практически можно сказать скорее все, чем много (в Колве, за вычетом детей, билингвов — 93,4%, в Лёждуге — 98,5%).

Во-вторых, и в Колве, и в Лёждуге значителен процент населения, которое, сталкиваясь на работе с русскими, говорит там

²¹ Под «читать» понимается, пользуются ли этим умением реально носители коми языка (в Колве есть библиотека с книгами на коми).

²² Более подробно о языковых диаспорах см. П. Зима. Стратификация и различные типы языковых контактов в Западной Африке. «Языковая ситуация в странах Азии и Африки». М., «Наука», 1967, стр. 174—182.

²³ Функциональный билингвизм был широко распространен в средневековой Европе, где представителям гуманитарного образования говорить латински на определенные темы было легче, чем на родном языке.

²⁴ Такая специализация является обязательным свойством диглоссии — см.: Ch. A. Ferguson. Diglossia. «Word», 1959, vol. 15, No. 2.

²⁵ L. Zawadowski. Fundamental relations in language contact. «Biuletyn Polskiego Towarzystwa językoznawczego», 1961, No. 20, p. 20. С точки зрения Завадовского языковая ситуация в Колве не должна рассматриваться как массовый билингвизм, поскольку она соответствует колонке 1. П. б. в. По Вейнрайху и другим лингвистам, в Колве также есть билингвизм.

Таблица 2

Возраст	Старшее поколение		Среднее поколение		Молодое поколение	Дети и подростки			район
	билингвы	монолингвы	говорят, читают, пишут	только говорят		говорят, читают, пишут	Дошкольники	I ступень	
Колва	62%	36%	97%	32%	100%	не понимают	понимают	говорят	только по-коми
	48%	32%	65%	32%	95%				только по-русски
Лёждуг	73,7%	10,3%	88%	97,1%	100%	не понимают	понимают	говорят	только по-коми
			80%	97,1%	90,3%				только по-русски

только по-русски (в том числе и друг с другом; соответствует ситуации 2. II. b. b.), но если русских нет, то разговор может вестись и на коми (ситуация 1. II. b. b.). Более существенным, следовательно, является присутствие или отсутствие при разговоре билингвов монолингва²⁶ — носителя русского языка (если носитель русского языка сам билингв, разговор может идти и на коми). В зависимости от ситуации использование коми и русского языка у билингвов в Колве и Лёждуге распределяется следующим образом:

Таблица 3

Область общения между людьми	Используемый язык	
	Колва	Лёждуг
В семье	коми (редко русский)	коми (чаще) и русский
Вне семьи (неофициальные отношения)	коми, реже русский	коми и русский
В сфере официальных отношений (на работе)	русский, реже коми	русский, реже коми
При коми-русских отношениях	русский	русский

Термин «билингвизм» (как и более широкий «контактирование языков») сам по себе еще ничего не объясняет в языковых отношениях; он лишь обозначает языковые ситуации, в результате которых возникают определенные общие явления в языке, называемые интерференцией. Интерференция имеет избирательный характер и проявляется главным образом на фонетическом и лексическом уровнях, реже — на уровне грамматики. Интерференция может возникнуть лишь на основе высокого развития массового билингвизма, что наблюдается и в обследуемых районах Коми АССР, причем сравнительно более низкому проценту билингвов в Колве соответствует в ней же более высокий процент интерференции. Соотношение влияния и контрвлияния русского и коми очевидно: язык коми сильно подвержен влиянию со стороны русского языка, тогда как контрвлияние носит едва прослеживаемый характер, сказывающийся прежде всего в интонации. Подробное рассмотрение вопросов интерференции не входит, однако, в задачи настоящей статьи.

²⁶ Аналогичная ситуация отмечается Б. Гавранком для лужичан во второй половине XIX века, когда лужичане были поголовно двуязычны. См.: В. Наврѓанек. Zur Problematik der Sprachmischung. «Travaux linguistique de Prague, 2. Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue». Prague, 1966, pp. 81—95. О том же пишет и Баркер для мексикано-американских отношений. См.: В. Баркер. Social functions of languages in a mexican — american community. «Acta Americana», 1947.

А. И. КУЗНЕЦОВА

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КРУГ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Современный русский литературный язык обычно избегает употребления так называемых словообразовательных кругов¹. Образование типа *злой — злость — злостный — злостность* в современном языке очень редкое явление. В таких словах, как *благостность, злостность, целостность*, обращает на себя внимание прежде всего наличие в их морфемном составе двух одинаковых суффиксов, точнее — одного и того же суффикса, повторенного дважды, имеющего одно и то же значение, впрочем, почти стертое в первом *-ост-*². С другой стороны, образование этих слов представляет собой некий круг: от части речи А образуется часть речи Б, от нее снова А, затем опять Б (*А→Б→А→Б*). Образование типа *А→Б→А*, производимое с помощью любого, не повторяющегося дважды в модели, суффикса (*обман→обманчивый→обманчивость, объем→объемистый→объемистость*) встречается в русском языке часто, но образование типа *А→Б→А* с помощью одного и того же, повторяемого дважды в пределах слова, суффикса — явление, наоборот, чрезвычайно редкое³. Именно эти случаи мы и будем называть словообразовательным кругом, или суффиксальной рекурренцией, а суффикс, повторяющийся дважды в слове, — рекуррентным⁴. Первое название (словообразователь-

¹ Этот термин встречается у М. В. Панова. См. М. В. Панов. Русский язык. «Языки народов СССР», т. I. «Индоевропейские языки». М., 1966, стр. 74.

² Здесь и дальше исследуется письменная форма речи.

³ Словообразовательный круг встречается не только в русском, но и в других славянских языках, например в польском, где есть случаи типа *biał-k-ów-k-a* «белок (глазной)», *ist-nie-nie* «существование, бытие», *lod-ow-c-ow-y* «ледниковый», *wart-ośc-ow-ośc* «валентность» (хим.), или в чешском: *bezstar-ost-n-ost, star-ost-liw-ost* и др. Нечто похожее мы имеем в ряде немецких глаголов (*kenn-en-lern-en, steck-en-bleib-en, lieg-en-lass-en, spaz-ier-en-reit-en* и др.), где в слове дважды употребляется окончание *-en*, превратившееся фактически в первом случае в суффикс, не несущий никакой функциональной нагрузки. Для этих случаев правильнее говорить просто о наличии в морфемном составе слова двух одинаковых элементов, но не о последовательности образования нового слова от другого с помощью одного и того же суффикса.

⁴ Автор с благодарностью принимает данный термин (от англ. recurgent), предложенный в частной беседе В. П. Мурат.